

УДК 341.9: 347.78

Последствия обхода закона в международном частном праве

Адышев Б.Т.

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Мақалада зангерлік ғылым мен тәжірибеде біркелкі анықталмайтын халықаралық азаматтық айналымдағы заңды айналып өту мәселесі қарастырылған. «Заңды айналып өту» түсінігі құқықтықтың әр түрлі салаларында қолданылуы мүмкін, бірақ ол азаматтық, салық және халықаралық жеке құқық салаларында неғұрлым көп қолданылады. Әр алуан көзқарастармен нормативтік жолдарды талдау негізінде осы құқықтық институтты халықаралық жеке құқықтағы құқықтық реттеу механизміндегі даму болашағы туралы түйін жасалады.

This article is devoted to the problem of circumvention of law in Private International Law, which is estimated to be controversial legal theory and practice. The concept of «circumvention of the law» can be used in various fields of law, but the most famous areas of its application are Civil, Tax and Private International law. On the base of the analysis of different points of view and regulatory approaches to draw conclusions on the prospects of development of this legal institution in the mechanism of legal regulation of civil relationship.

Проблема добросовестного пользования субъективными правами и исполнения обязанностей в сфере международного частного права (далее — МЧП) приобретает особую актуальность в связи с активизацией международного гражданского оборота и законодательным закреплением в качестве «общего положения» МЧП в ст. 1088 ГК РК «Последствия обхода закона»: «Недействительны соглашения и иные действия участников отношений, регулируемых настоящим Кодексом, направленные на то, чтобы в обход правил настоящего раздела о подлежащем применению праве подчинить соответствующие отношения иному праву. В этом случае применяется право, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом».

Этому важному событию предшествовал долгий период игнорирования данной проблемы в советской правовой науке, она лишь вскользь затрагивалась отдельными авторами. Так, И.С.Перетерский и С.Б.Крылов определяли обход закона как «такое положение, когда лица, не желающие подчиниться действию той системы права, которая должна применяться к их взаимоотношениям, создают искусственные условия для применения к их отношениям какой-либо иной системы права, более для них выгодной» [1; 61]. Критически оценивая такого рода проявления буржуазного права, Л.А.Лунц писал: «Привязка к определенному законодательству в капиталистических условиях иногда создается искусственно лицами, желающими избежать применения к их правоотношению принудительных законов, которым подчинено это правоотношение» [2; 291].

При таком положении вещей несомненный интерес представляют достижения зарубежной доктрины МЧП, для которой также характерен неоднозначный подход. Французское МЧП традиционно исходит из принципа *fraus omnia corrumpit* («обман уничтожает все»), по которому недействителен любой «обманный» обход юридической нормы путем установления иностранной коллизионной привязки и подлежит применению обойденная норма. Такая концепция была воспринята итальянскими судами. Но не все страны поддерживают подобное правило. С точки зрения английского и германского права доктрина *fraus legi facta* бесполезна, поэтому не считается обманом выбор места для заключения договора с целью уклонения от законов конкретной страны, а также безразличны причины регистрации юридического лица за границей по иностранному закону. М.Вольф указывает на част-

ные случаи *fraus legi facta*, когда заинтересованные лица пытаются обойти принудительную юридическую норму, препятствующую достижению преследуемой цели, «создавая для этого каким-либо аномальным способом такой фактический состав дела, к которому эта норма неприменима и который, тем не менее, обеспечивает тот экономический или социальный результат, который эти лица имели в виду» [3; 159]. Специфика обхода закона в МЧП, по мнению Л.Раапе, состоит в том, что «прежде всего переходят в сферу действия другого правопорядка, содержащего желательные материальные нормы, и затем приравниваются к последним» [4; 135–136].

Крайне негативное отношение возобладавало в российской доктрине, что привело к отказу от включения нормы об обходе закона в раздел VI «Международное частное право» части 3 ГК РФ. Наиболее обстоятельно несостоятельность концепции «обхода закона» доказывает А.И.Муранов. Он считает, что данное понятие перешло в «околоправовые сферы», сохранившись «скорее по традиции, чем по необходимости», и «представляет собой просто образное собирательное выражение для обозначения целого ряда неправомерных действий, которым различными способами пытаются придать видимость правомерности (обман, притворность, мнимость, злоупотребление правом), поэтому у него отсутствует самостоятельная правовая специфика» [5; 44–45]. Развивая эту мысль, Л.П.Ануфриева пишет, что отсутствие жесткости в коллизионном регулировании вкупе со свойственными цивилистическим отношениям свободой передвижения, свободой договора и автономией воли закономерно снимает вопрос об обходе закона, который в нынешних условиях выглядит «анахронизмом» [6; 240–241]. Нейтральной позиции придерживается Г.Ю.Федосеева, которая определяет «обход закона» как волеизъявление сторон, выраженное в подчинении правоотношения иностранному праву с целью избежать применения внутренней материальной правовой нормы, и как одно из оснований неприменения иностранного права [7; 117].

Напротив, казахстанский цивилист М.К.Сулейменов считает «значительным шагом вперед в регулировании отношений МЧП» введение особой нормы (ст. 1088 ГК РК) для случаев, «когда стороны искусственно определяют применимое право, несмотря на то, что в коллизионном праве РК, подлежащем применению, содержатся императивные нормы о подлежащем применению материальном праве» [8; 405]. На основании этого М.Н.Абилова указывает на то, что обход закона есть «осознанное неправомерное подчинение сторонами договора своего правоотношения нормам того права, которое при нормальных условиях ... не должно регулировать эти отношения» [9; 391].

В целом единообразные дефиниции на фоне слабой изученности данной темы сопровождаются неоднозначной оценкой последствий обхода закона в МЧП: от признания основным началом коллизионного регулирования до категорического отрицания как «юридического рудимента».

На наш взгляд, аргументы о нежелательности законодательного закрепления нормы об обходе закона со ссылкой на отсутствие «корней в дореволюционном и советском праве» не убедительны, так как уровень развития международных отношений, потребности их правового регулирования, а следовательно, и степень разработанности инструментария МЧП были совершенно иными. На самом деле, скудные теоретическая разработка и эмпирический материал того периода истории, скорее, объясняются доминированием односторонних коллизионных норм, критической оценкой обхода закона как проявления буржуазного права и пренебрежительным отношением к МЧП в целом.

Сущность данного юридического феномена такова, что происходит уклонение от нежелательной материально-правовой нормы одного правопорядка посредством создания коллизионного фактического состава, отсылающего к материальной норме другой (национальной или иностранной) правовой системы. В итоге правоотношение оказывается в сфере действия более благоприятного для субъектов материального (как правило, иностранного) права.

В зависимости от содержания коллизионных норм популярными способами обхода закона являются перемена гражданства или domicilio физического лица, регистрация юридического лица по иностранным законам, перенесение места заключения или исполнения договора в другую страну. Из них самый легкий путь — это притворная перемена местожительства, поэтому специалисты рекомендуют тщательно проверять, на самом ли деле оставлено место жительства в одном государстве и установлено в другом, как того требует соответствующая коллизионная норма. Не случайно в системе общего права широко оперируют категорией «добросовестного domicilio» (*bona fide*). Еще Дж. Вут утверждал, что «перемена domicilio действительна только в том случае, если она совершенна «*bona-fide*» и имеет «законную и правдоподобную причину для переезда (*justa et probabilis causa migrandi*)». Именно по этим причинам часто возникают противостояния правопорядков государств прежнего и настоящего гражданства или domicilio «акторов» [3; 164].

К примеру, в 90-х годах XX в., когда действовал Закон РК «Об иностранных инвестициях» от 27 декабря 1994 г., способом получения гарантий, льгот и преференций было приобретение статуса иностранного инвестора. В частности, это достигалось открытием юридического лица за рубежом для участия в инвестиционных проектах на территории Казахстана. Кроме того, статус иностранного инвестора предоставлялся гражданам РК, постоянно проживающим в другом государстве (ст. 1), что позволяло воспользоваться «классическим» приемом — фиктивной сменой domicilia предпринимателя. И только установление единого инвестиционного режима, независимо от страны происхождения капитала, и равного доступа к инвестиционным преференциям по Закону РК «Об инвестициях» от 8 января 2003 г. устранило почву для таких маневров — попросту в них отпала необходимость. В современных условиях подобные методы теряют актуальность на фоне множества территорий с официальным статусом «налоговых гаваней», «оффшорных юрисдикций» и легального закрепления категории «налоговое планирование», обеспечивающих экономию и минимизацию расходов в рамках дозволенных конкретным правовым порядком средств [6; 239].

В законодательной формуле, подобной приведенной выше ст. 1088 ГК РК, Г.Ю.Федосеева усматривает неоправданный крен в коллизионно-правовую сторону, вопреки «классическому, сформировавшемуся в практике и законодательстве большинства государств» пониманию «обхода закона» как отклонения от применения «внутренней материальной правовой нормы» [7; 117]. По мнению А.И.Муранова, законодательная оговорка об обходе правил о подлежащем применению праве искажает суть теории *agere in fraudem legis* в МЧП, которая «состоит именно в применении коллизионной нормы ввиду наличия в ней удобной привязки, а результатом является применение иностранного права и неприменение внутренней материальной нормы права, коллизионная норма которого и была применена...». В качестве примера приводится ситуация, когда лица выезжают в другое государство, где установлена простая письменная форма сделки, и впоследствии настаивают на применении *locus regit formam actum* к заключенным там сделкам со ссылкой на коллизионную норму и «правила о подлежащем применению праве» [5; 53–55].

М.К.Сулейменов указывает на действия сторон при обходе закона, вопреки императивным нормам коллизионного права РК о подлежащем применению материальном праве [8; 405]. Это, видимо, и стало поводом для категоричного утверждения М.Н.Абиловой о нарушении «императивной коллизионной нормы страны суда» и отрицания тезиса о нарушении материальной нормы в связи с разрешением вопроса обхода закона на стадии определения применимого права [9; 391].

Признавая наличие рационального зерна в приведенных точках зрения, отметим ущербность одностороннего подхода, замыкающегося на одной из стадий коллизионного регулирования. Ведь еще Л.А.Лунц указывал на вероятность случаев обхода иностранного материального закона в нарушение отечественной коллизионной нормы, «когда лицо, совершая сделку, стремится перейти в сферу иного правового порядка, нежели того иностранного закона, которому наше коллизионное право подчиняет определенный фактический состав», но «создание коллизионно-правового фактического состава является средством для обхода закона, но это не самый обход» [2; 135–136, 296].

При характеристике его сущности неверно заикливаться на одной из стадий действия нормы МЧП, так как в результате манипуляции с законом происходит разрыв объективной связи и оказываются «обойденными» как коллизионная, так и материально-правовая норма. Уклонение от материально-правовой нормы — это цель, а манипуляции с коллизионной нормой есть средство обхода закона. Важная роль в механизме коллизионного регулирования подчеркивается тем обстоятельством, что без решения вопроса об обходе закона на первой стадии действия нормы МЧП — определения применимого права [10; 771; 11; 450] — невозможен полноценный конечный результат — подчинение отношения действительно компетентному правовому порядку, с которым имеется реальная связь, и применение адекватной материальной правовой нормы.

Действительно, сложный механизм обхода закона в МЧП предполагает последовательное совершение двух шагов. О соблюдении материально-правовой нормы не может быть речи, если компетентный правовой порядок выключается из регулятивного процесса в результате манипуляций с коллизионными нормами, а отношение искусственно подводится под материальную норму иной правовой системы. Суть обхода закона, состоящего в «обмане» (т.е. преднамеренном введении в заблуждение), означает лишь внешнее, формальное соблюдение коллизионной нормы, но вопреки ее внутреннему смыслу и истинному назначению. В итоге парализуется необходимая материальная норма, а «соблюдается» искусственно выбранная материальная норма иностранного правового порядка. Однако результат, достигнутый неправомерными средствами, не может быть признан законным. Поэтому справедливо

признание лишь имитации соблюдения коллизионной нормы при создании искусственного коллизионного фактического состава и, как следствие манипуляций с коллизионными привязками, — обход материальной нормы компетентного правопорядка.

Рассматриваемый нами вопрос возникает в связи с реализацией субъектами автономии воли, поэтому чаще всего он проявляется в сфере, где доминирует частный интерес: внешнеэкономические сделки, корпоративное, наследственное, брачно-семейное и нотариальное право. Мы не усматриваем признаков «неоправданной эклектики» в одновременном нормативном закреплении принципа автономии воли и запрета обхода закона. Общая презумпция добросовестности, разумности и справедливости действий участников гражданского оборота при осуществлении ими своих прав означает, что «эта обязанность не может быть исключена или ограничена договором» (пп. 4, 5 ст. 8 ГК РК). Следовательно, концепция «обхода закона» не отвергает принципа автономии воли, а, наоборот, должна способствовать его полноценному воплощению в соответствии с целями МЧП, предостерегая от злоупотребления свободой выбора применимого права. И даже негативные юридические последствия «обхода закона» не лишают стороны возможности заново сделать добросовестный выбор применимого права (*lex voluntatis*).

Что же касается юридической оценки самих последствий обхода закона, то до сих пор не сложилось универсального правила. Потому негативный законодательный и доктринальный подход в одной стране часто сталкивается с лояльностью иностранного правопорядка. Но все же можно говорить об определенных тенденциях. Сильное влияние на современную теорию и практику МЧП имеет классический принцип *fraus omnia corrumpit*, означающий: «обман делает все недействительным», «обман уничтожает все» или «обход закона порождает недействительность акта в целом». Так, И.С.Перетерский и С.Б.Крылов полагали, что «обход советских законов должен встречать лишь отрицательное отношение, а сделка, заключенная в обход закона, считается недействительной» [1; 61]. Несмотря на отсутствие в законе прямого указания, Л.А.Луни также считает, что юридические последствия обхода закона могут быть определены по общим правилам ГК о недействительности сделок [2; 296]. В нынешних условиях «французский принцип» вполне может быть взят за основу в отечественной практике правоприменения, предполагая использование общих норм о последствиях мнимой или притворной сделки при подчинении отношения иностранному правопорядку.

Важное значение для квалификации обхода закона имеют субъективные признаки поведения лица (вина, цель и мотивы), подтверждающие истинные намерения при фиктивном изменении применимого права. К сожалению, в литературе форма вины не конкретизируется. Но такие характеристики, как «искусственность», «заинтересованность», «целенаправленность», «волеизъявление с целью...», «осознанность» и т.п. вполне определенно свидетельствуют об умышленном коллизионном правонарушении. Не случайно обход закона ассоциируется с обманом, т.е. преднамеренным введением в заблуждение, что и позволяет квалифицировать его как злоупотребление, влекущее недействительность сделок и вытекающих из них последствий. Обращение к этимологии римского термина *fraus* («обман») дает повод для признания более точным обозначения «обман закона», так как обойти закон невозможно — его можно только нарушить. Поэтому под обход закона в МЧП справедливо подвести действия, направленные на умышленное искажение коллизионного правила, что ведет к переводу правоотношения под действие более благоприятного иностранного закона.

Следовательно, в обходе закона проявляются очевидные черты сознательного злоупотребления правом, отметим отсутствие ясности относительно допустимости «обхода закона» с иными субъективными характеристиками: по неосторожности, вследствие заблуждения или невиновно. Ведь на практике возможны случаи ошибочного выбора применимого права в связи с неверным истолкованием и применением коллизионной нормы (объема или привязки). Между тем О.Н.Садиков считает, что «при обходе закона не должны приниматься во внимание субъективные факторы, в частности, наличие вины, так как допущенное нарушение закона, даже вызванное его незнанием, должно устраняться. Вина может учитываться при решении вопроса о возмещении в таких случаях убытков и применении правовых санкций, основанных на виновном поведении неисправной стороны» [11; 457–458].

Смысл коллизионного метода состоит в правильном выборе и применении права, наиболее тесно связанного с отношением, что означает недопустимость любых нарушений этой связи (независимо от субъективных причин) и устранение негативных последствий ее разрыва. Допуская возможность широкого понимания обхода закона в теории, заметим, что в ст. 1088 ГК РК речь идет о «сознательном» и «целенаправленном» поведении субъектов по переводу отношения в сферу действия иного права, вопреки положениям раздела 7 ГК РК. Но в принципе любые случаи неверного выбора применимого права с нарушением коллизионных принципов не должны оставаться без внимания. Поэтому если

законодатель и ограничил ст. 1088 ГК РК умышленной виной, то последствия неосторожного или невинного («случайного») обхода закона могут быть устранены на основании принципа наиболее тесной связи (п. 2 ст. 1084 ГК РК). Вопрос о привлечении к ответственности и применении конкретных санкций надо решать в зависимости от степени виновности участников сделок на основе внутреннего гражданского или иного законодательства.

Целенаправленность этих действий должна предполагать юридические последствия в виде признания сделки недействительной в соответствии с общими началами гражданского законодательства (ст.ст. 157, 158 ГК РК) — в материально-правовом аспекте и подчинения отношения компетентному статуту (*lex fori* или иному) в соответствии с нормами раздела 7 ГК РК (п. 2 ст. 1084, ст. 1088) — в коллизионном аспекте. «Практическая ценность» такого запрета состоит в воспрепятствовании отрыву отношения от правовой системы, с которой оно объективно тесно связано, и искусственному переводу в сферу иностранного правопорядка с привлекательными для сторон материальными нормами. Квалификация как разновидность злоупотребления правом позволяет применить положения о недействительности сделки, несмотря на отсутствие прямого упоминания о таком основании в ст.ст. 157, 158 ГК РК.

В отличие от этого германская доктрина усматривает признаки посягательства на государственные и общественные интересы и предлагает разрешать конфликт на основе *ordre public*. Такой подход отстаивает А.И.Муранов, заявляя, что ожидаемый юридический эффект от такой «защитной оговорки» в полной мере достигается оговоркой о публичном праве и «сверхимперативными нормами» [5; 59]. Но ведь последние могут подключаться только в случаях угрозы «публичным интересам» и охватывают как правомерные, так и неправомерные отсылки к иностранному праву.

Отвергая упреки по поводу низкоэффективного дублирования, мы выступаем за дифференциацию этих трех категорий МЧП. Действительно, правило об «обходе закона» наряду с оговоркой о публичном порядке и «сверхимперативными» нормами устанавливает пределы действия иностранной правовой нормы. Однако это не дает повода для отрицания самостоятельного значения рассматриваемой нами нормы, имеющей правоохранительный характер и отличающейся механизмом действия. Основания отстранения иностранного права различны. Если отсылка к иностранному праву создает угрозу «публичным интересам», то *ordre public* блокируют иностранную правовую норму на основании лишь объективных признаков, без учета правомерности и субъективной стороны поведения субъектов, а «сверхимперативная» норма направлена вообще против любых (не только искусственных) привязок к иностранному праву [12]. В то время как ст. 1088 ГК РК призвана предупредить недобросовестное пользование автономией воли, т.е. фиктивные подчинения отношения иной правовой системе вопреки коллизионной норме. И если в оговорке о публичном порядке и «сверхимперативных нормах» действия субъектов презюмируются как правомерные, а результат применения коллизионной нормы признается нежелательным с точки зрения национального правопорядка, то в случае «обхода закона» имеет место злоупотребление (т.е. умышленное отклонение от требования добросовестного пользования субъективными правами), нарушающее объективную связь отношения с компетентным правопорядком. При такой ограниченности концепции «публичного порядка» (как позитивной, так и негативной) принцип «запрета обхода закона» охватывает такие случаи, когда, например, стороны, игнорируя реальную связь отношения с иностранным правом, пытаются подчинить его казахстанскому праву (*lex fori*). Целью данной нормы является не подчинение национальному правопорядку, а только создание условий для правильного применения права.

Конечно, она должна реагировать на случаи искусственного подчинения отношения иностранному праву, тогда как применимым является национальное право. Но, на наш взгляд, также охватываются и попытки неоправданного перехода в сферу национального права (*lex fori*) для уклонения от неудобных норм иностранного права — «обход иностранного закона» (*fraus legi extranae*). Лояльность местных судов в таких ситуациях, в ущерб объективной правовой связи, не может быть оправдана по причине противоречия основным началам МЧП — принципу наиболее тесной связи и международной вежливости. Логическое толкование ст. 1088 ГК РК (фраза: «применяется право, подлежащее применению в соответствии с настоящим разделом») свидетельствует о праве, на которое указывает «обойденная» коллизионная норма согласно разделу 7 ГК РК — необязательно *lex fori*.

Опасения в излишнем «территориализме» есть следствие неверной интерпретации: коллизионная норма может отсылать и к иностранному праву другого третьего государства. Конечно, вероятен лояльный подход отечественных судов к ситуациям недобросовестного подчинения отношения национальному праву (*lex fori*), вопреки указаниям коллизионной нормы, в качестве применимого на

иностранный закон, но чрезмерный территориализм в ущерб объективной правовой связи неприемлем.

В контексте данной проблемы справедливы некоторые уточнения. Отвергаемое («обходимое») право является «иностранным» относительно права, которое должно быть задействовано при нормальном действии нормы МЧП. И не факт, что суд однозначно должен применять *lex fori*, несмотря на безапелляционные заявления некоторых юристов. Назначение запрета обхода закона состоит не в применении закона страны суда, а в воспрепятствовании попыткам подчинить отношения иному правопорядку посредством «искусственного» фактического состава, разрывающего «наиболее тесную связь». Статья 1088 ГК указывает в качестве последствия обхода закона правильный выбор применимого права в соответствии с разделом 7 ГК РК, а *lex fori* может быть лишь одним из возможных вариантов, закрепленных в коллизионной норме. Коллизионные привязки могут отсылать к правовым системам другого иностранного государства, и тогда отношение переходит из сферы одного иностранного государства (с фиктивной связью) в подчинение правопорядка третьего иностранного государства (с объективной связью). Суд должен вернуть отношение в сферу иностранного правопорядка, которого избегают стороны, и тем самым восстановить действительную («тесную») связь.

Таким образом, запрет обхода закона, способствуя правильному выбору применимого права, отвечающего требованиям объективной связи, отражает специфику правового регулирования отношений с иностранным элементом. Попытки дискредитировать данный институт и поставить под сомнение рациональность законодательного признания в качестве «общего положения» МЧП (ст. 1088 гл. 61 «Общее положение» раздела 7 «Международное частное право» ГК РК), по меньшей мере, несостоятельны. Принципиальность данной концепции для МЧП требует аккуратности в терминологии, которая должна адекватно отражать его сущность. А часто употребляемое в литературе сокращение «обход закона» не совсем корректно. На наш взгляд, более точным будет наименование «принцип запрета обхода закона» (а не просто «обход закона», даже в кавычках), что подчеркивает охранительную функцию нормы ст. 1088 ГК РК о недопустимости злоупотребления автономией воли как действий, противных идее и целям МЧП, и недействительности его последствий.

Положительно оценивая законодательное закрепление данного правила и его перспективный характер, надо констатировать, что правозащитный потенциал ст. 1088 ГК РК в полной мере пока не раскрылся. С одной стороны, это объясняется несложившейся практикой правоприменения, а с другой — невыявленными фактами серьезных издержек и ущемлений прав участников международного гражданского оборота, вынуждающих к обращению к данному институту. То обстоятельство, что субъекты часто изобретают новые, все более изощренные способы ухода от нежелательных для них норм национального права и не всегда удается обнаружить или доказать создание мнимой коллизионной привязки, вопреки действительному намерению сторон, не может служить основанием для отрицания принципиального значения запрета обхода закона в механизме правового регулирования частно-правовых отношений с иностранным элементом.

В контексте исследуемой темы возникает вполне закономерный вопрос: являются ли ключевым моментом частота и фиксация факта прямого применения правовой нормы? В отношении охранительных норм этот критерий не всегда служит точным показателем эффективности, так как их действие зачастую носит опосредованный характер. Редкие случаи прямого обращения к нормам такого рода в конкретных ситуациях, наоборот, свидетельствуют об их результативности — достигнутом предупредительном эффекте, о чем буквально заявлено в ст.ст. 1088, 1090 и 1091 ГК РК.

Список литературы

1. Перетерский И.С., Крылов С.Б. Международное частное право. — М., 1959. — 226 с.
2. Луц Л.А. Курс международного частного права: В 3 т. — М.: Спарк, 2002. — 1007 с.
3. Вольф М. Международное частное право. — М.: Изд-во иностр. лит., 1948. — 703 с.
4. Раане Л. Международное частное право. — М.: Изд-во иностр. лит., 1960. — 608 с.
5. Муранов А.И. К вопросу об «обходе закона» // Московский журнал международного права. — 1997. — № 3. — С. 42–76.
6. Ануфриева Л.П. Международное частное право. Учебник: В 3 т. Т. 1. Общая часть. — М.: БЕК, 2000. — 288 с.
7. Федосеева Г.Ю. Международное частное право: Учебник. 4-е изд., перераб., доп. — М.: Эксмо, 2005. — 432 с.
8. Гражданское право. Т. III: Учебник для вузов (академический курс) / Под ред. М.К.Сулейменова, Ю.Г.Басина. — Алматы, 2004. — 522 с.